

Публикация Н. А. Антипина

Массовые политические репрессии в Челябинской области, 1937–1938 гг.: свидетельство чекиста

История Большого террора на протяжении полувека, начиная с Р. Конквеста, привлекает внимание отечественных и зарубежных историков¹. Благодаря работам О. В. Хлевнюка, В. Н. Хаустова, Л. Самуэльсона, С. А. Кропачева, А. Ю. Ватлина и др., «архивной революции» 1990-х гг. и изданию сборников документов детально изучены основные события и последствия массовых политических репрессий в СССР в 1937–1938 гг.²

В историографии широко известны воспоминания М. П. Шрейдера, работавшего на чекистских и милицеских должностях в 1919–1938 гг.³ В записках, впервые опубликованных в середине 1990-х гг., он описал свою работу в органах НКВД, арест, следствие и пребывание в тюрьме. Исследование инфраструктуры и кадров репрессивного аппарата, судеб карателей, мотивов их участия и отношения к массовым политическим репрессиям оформилось в самостоятельное историографическое направление⁴. К 80-летию Большого террора в России появилась серия публикаций, среди них выделяется сборник документов «Эхо Большого террора»⁵, в трех томах которого опубликованы документы партийных собраний и оперативных совещаний, материалы архивно-следственных дел на сотрудников органов НКВД, а также эго-документы. Последние являются важным историческим источником для реконструкции повседневности террора, практики реализации политики репрессий, восприятия террора участниками. Интерпретация опубликованных и неопубликованных материалов представлена в сборнике статей «Чекисты на скамье подсудимых»⁶. Это издание

**Антипин
Николай**

Александрович

канд. ист. наук, доц.,
Южно-Уральский
государственный
университет
(Челябинск, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
финансовой
поддержке
Министерства
науки и высшего
образования
Российской
Федерации
(государственное
задание
№ FENU-2020-0021)

структурировано по территориальному признаку, особое внимание уделяется чисткам в структурах НКВД в регионах Украины, Молдавии и Грузии. Авторы издания, используя богатый архивный материал, особенно источники личного происхождения, исследовали критерии для выбора чекистов, подлежавших чистке, специфику ведения следствия и судебных процессов, обратили особое внимание на отношение чекистов к массовым политическим репрессиям. Публикуемое ниже заявление П. И. Куликова позволяет дополнить или подтвердить представленную в историографии картину массовых политических репрессий, а также репрессий в отношении исполнителей Большого террора.

В публикуемом источнике подробно описывается практика массовых политических репрессий глазами чекиста. Прежде чем обратиться к записке П. И. Куликова, необходимо представить контекст — охарактеризовать масштабы Большого террора в Челябинской области. Согласно плановым показателям в регионе, предполагалось арестовать и подвергнуть репрессиям по первой категории — 1500 человек, по второй — 4500 человек. В результате было арестовано около 35 тыс. человек, из них приговорено к расстрелу около 12 тыс. человек. В 1937–1938 гг. в Челябинской области было инспирировано несколько масштабных дел, в том числе «контрреволюционно-повстанческой и диверсионной террористической офицерской организации», «эсеровской диверсионно-террористической организации», «контрреволюционной правотроцкистской организации», «белогвардейской казачьей офицерской контрреволюционной организации», «повстанческо-террористической организации», «объединенного церковно-политического центра», «общества жестокой расправы с большевиками»; проведены массовые «операции по иноконтингентам» (полякам, жителям Прибалтики, выходцам с Балканского полуострова и др.)⁷.

В тройку, внесудебный орган репрессий, входили: первый секретарь Челябинского обкома ВКП(б), прокурор области, начальник регионального управления НКВД. В период Большого террора первыми секретарями Челябинского обкома были: К. В. Рындин (январь 1934 — октябрь 1937; расстрелян), К. М. Огурцов (октябрь 1937 — май 1938), Д. И. Антонов (май 1938 — февраль 1940).

Управление НКВД Челябинской области возглавляли: И. М. Блат (сентябрь 1936 — июль 1937; расстрелян), П. В. Чистов (август 1937 — март 1938), Д. М. Соколинский (март — апрель 1938; расстрелян), Ф. Г. Лапшин (апрель 1938 — январь 1939; расстрелян). Все они в 1920-е гг. пришли на службу в органы госбезопасности. Пик репрессий пришелся на время руководства областным управлением П. В. Чистовым (1905–1982). С 1934 г. он служил начальником отдела и помощником начальника управления НКВД Челябинской области, с сентября 1936 г. — заместителем начальника управления НКВД Свердловской области, с августа 1937 г. — начальником управления НКВД Челябинской области. За время его работы в Челябинской области тройкой были осуждены 12 480 человек, из них 5980 человек приговорены к расстрелу. С марта 1938 г. он начальник управления НКВД Сталинской области. С июля 1941 — начальник 4-го стройуправления оборонительных работ НКВД на Юго-Западном фронте.

С сентября 1941 по май 1945 г. находился в немецком плену. В сентябре 1946 г. арестован и обвинен в «участии в контрреволюционной заговорщической организации». Приговорен к 15 годам исправительных лагерей, освобожден в 1955 г. Награжден орденами Ленина (1937) и «Знак Почета» (1940)⁸.

Прокуроры Челябинской области периода Большого террора: Н. С. Уманский (арестован 15 октября 1937 г., расстрелян), А. В. Филиппов (арестован, расстрелян), В. М. Ткаченко (снят с должности 11 февраля 1938 г.), И. Г. Смирнов (арестован осенью 1938 г.), П. А. Надеждин.

29 декабря 1963 г. ЦК КПСС принял постановление о создании в Центральном партийном архиве «специального фонда не изданных рукописных материалов о нарушении законности в годы культа личности Сталина». Предполагалось, что в этот фонд войдут рукописи воспоминаний, дневников, поэм, повестей, романов, зарисовок и другие материалы, имеющие научно-историческое значение⁹. В соответствии с этим решением в 1964 г. Институт марксизма-ленинизма направил письмо директорам филиалов института, заведующим партийными архивами обкомов, крайкомов партии с предложением выявить в своих архивных фондах материалы и представить их копии.

Такое письмо поступило и в Партийный архив Челябинской области. В 1964–1965 гг. велась работа по выявлению документов, свидетельствующих о массовых политических репрессиях 1937–1938 гг. в регионе. В результате было сформировано и отправлено в Центральный партийный архив дело с копиями документов «о нарушении законности в годы культа личности Сталина (1937–1938 гг.) в Челябинской области»¹⁰. Оригиналы документов поступили в «особую папку» Челябинского обкома и были рассекречены в Объединенном государственном архиве Челябинской области лишь в 2000-е гг.¹¹

Среди отправленных в Москву документов выделяется заявление бывшего сотрудника управления НКВД по Челябинской области П. И. Куликова, датированное 28 сентября 1939 г. и адресованное И. В. Сталину. Этот документ содержит ценные сведения о практике ведения следствия, процедуре ареста и обыска, методах допроса, механизме фабрикации протоколов допросов, условиях содержания арестованных под стражей; в документе приведены многочисленные примеры нарушения закона, описано ведение следствия.

Павел Исаевич Куликов родился 12 декабря 1890 г. в д. Поповка Пермского уезда Пермской губернии. В 1899 г. окончил церковно-приходскую школу, затем работал батраком на заводе. Участвовал в Первой мировой войне, после демобилизации в 1918 г. работал на Ляминском целлюлозно-бумажном комбинате.

С июня 1919 г. работал комиссаром секретной части в Пермской губернской ЧК, затем в Чердынской уездной ЧК (1920). Последующие 20 лет П. И. Куликов был связан с органами государственной безопасности: с марта 1920 г. — старший уполномоченный следственной части в особом отделе Пермской губернской ЧК; в 1922–1923 гг. — следователь и докладчик Пермского революционного трибунала, народный судья 2-го участка Перми; в 1923–1927 гг. — оперуполномоченный Пермского и в 1927–1931 гг. Тюменского окружных отделов ОГПУ; в 1931–1935 гг. — начальник особого отдела Курганского оперативного сектора; в 1935–1936 гг. — начальник Верхнеуральского

районного отдела НКВД (Челябинская область); в 1936–1939 гг. —начальник отделения особого отдела управления НКВД по Челябинской области¹².

7 апреля 1938 г. П. И. Куликов арестован, исключен из ВКП(б). На допросах отказался признать вину и попросил направить дело на расследование в НКВД СССР¹³. 19 августа 1939 г. дело П. И. Куликова прекращено из-за отсутствия «уликовых данных»¹⁴. Выйдя на свободу, он добивался реабилитации: 28 сентября 1939 г. П. И. Куликов написал заявление И. В. Сталину с просьбой восстановить его в партии¹⁵. 15 октября 1939 г. документ поступил в особый отдел ЦК ВКП(б), откуда, вероятно, и был отправлен в Челябинский обком ВКП(б).

С 1940 г. П. И. Куликов работал юрисконсультom в Трактороторге (до 1949 г.), в 1949–1958 гг. — юрисконсультom Челябинского универмага. С 1958 г. на пенсии, проживал в Челябинске, занимался краеведением¹⁶, публиковал статьи в местной прессе, состоял членом историко-революционной секции при Челябинском областном краеведческом музее. П. И. Куликов скончался 15 ноября 1975 г.

* * *

Заявление П. И. Куликова публикуется по автографу, хранящемуся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 165. Л. 53–131). Рукопись синими чернилами на тетрадных листах в линейку. Имеется авторская правка, а также подчеркивание и пометы синим и красным карандашами, сделанные, по-видимому, при рассмотрении заявления в ЦК ВКП(б) или Челябинском обкоме ВКП(б). В публикации исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, некоторые фрагменты текста опущены, такие места обозначены угловыми скобками и оговорены в примечаниях. В квадратных скобках — конъектуры публикатора. Стилистические особенности, характеризующие речь автора, оставлены без изменений.

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину от б[ывшего] члена ВКП(б) Куликова Павла Исаевича, состоявшего членом с 27 ноябр[я] 1918 г. по 7 апреля 1938 г.

Заявление

С июля 1919 г. по 7 апреля 1938 г. я работал в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД — Ревтрибунала и суда. Последнее время я работал в Челябинском управлении НКВД.

7 апреля 1938 г. я Челябинским УНКВД был арестован на основании возведенной на меня клеветы б[ывшим] работником Челябинского УНКВД Солодиловым, который имел ко мне неприязненное отношение. Кроме того, я считаю, что в моем аресте и уничтожении меня под видом врага народа были крайне заинтересован ряд руководящих работников УНКВД: майор Чистов, капитаны Луговцев¹⁷, Лапшин¹⁸, Ворончихин¹⁹, Дорожка и другие работники,

о преступных методах работы которых, в том числе и о Солодилове, я писал наркому НКВД СССР в начале декабря 1937 г. и в конце января 1938 г.

Сообщая наркому о практикуемых методах работы, я считал их и считаю, что они являлись явно преступными, дискредитирующими органы советской разведки, подрывающими авторитет партии и советской власти. Я считал, что при данных методах работы работники Челябинского УНКВД, работающие под руководством начальни[ка] УНКВД майора Чистова, капитана Лапшина, уклоняются с пути действительной борьбы с врагами народа, арестовывая 10–15 % невинных людей²⁰, оставляя врагов народа на свободе. Одновременно с этим я сообщал наркому о настроении населения о недоверии к работникам Челябинского УНКВД. Я просил вызвать меня в свое распоряжение для дачи конкретных показаний о практикуемых методах работы или выслать представителя для обследования работы в Челябинском УНКВД и перевести меня для работы в другую область. Но мои надежды не оправдались, меня арестовали и изобразили самым крупным врагом народа, посадили в одиночную камеру, применяли зверские методы допроса и создали нечеловеческие условия в тюрьме.

В конце июля или первых числах августа 1937 г. начальни[к] управления майор Чистов проводил опер[ативное] совещание с начальниками отделов, их заместителями и начальниками межрайонных секторов по вопросу о массовых кулацких операциях по [Челябинской] области. Я, будучи назначен членом оперативного штаба, ни начальником управления, ни начальни[ком] отдела Солодиловым не был предупрежден о назначении членом и не приглашен на данное оперативное совещание.

Спустя дней 10–15 случайно о моем назначении членом опер[ативного] штаба узнал от секретаря начальни[ка] управления товарища Артамонова, который мне сказал, что я назначен членом опер[ативного] штаба, ко мне прикреплено 32 района, в коих я должен руководить операциями и представлять на рассмотрение тройки дела арестованных: «Тебе я направил несколько списков, поступивших из района для дачи санкции на арест». Артамонова я попросил ознакомить меня с директивой о правах и обязанностях членов опер[ативного] штаба. Артамонов меня направил к секретарю опер[ативного] штаба лейтенанту Подобедову²¹. Директива о массовых операциях наркома была очень кратка: утверждено 1 ½ тысячи по I категории²² и 4 ½ по II категории²³. Аресты производить без санкции прокурора. Для оформления дела достаточно признания в контрреволюционной деятельности самого обвиняемого, при отсутствии признания — 2–3 показания свидетелей, с указанием конкретных фактов в контр[р]еволюционной деятельности арестованного.

Я в продолжении пяти месяцев выполнял громадную работу по производству массовых операций один, я не знал дней отдыха и праздников, так как через мои руки прошло около 4000 дел, кои я должен был все просмотреть, написать, отпечатать повестки, доложить дела на тройке, дать в районы санкции, просмотреть поступающие из районов списки с компрометирующими материалами (просмотрено списков с материалами за этот же срок до 6000 чел[овек]). Каждую пятidineвку я должен был собрать по районам сведения по телефону о количестве оперированных, законченных дел, изъятом оружия, боеприпасов, ценностей и т. д. и составить сведения. За этот же срок я закончил на 14 чел[овек] следственных дел и выполнял текущую работу по обслуживаемым мною объектам и давал прикрепленных ко мне курсантов сидеть с арестованными в других отделениях. <...>²⁴

В начале декабря 1937 г. мне Лапшин дал приказание о производстве дополнительных операций по районам кулачества. Я Лапшину доложил, что в ряде районов, как сообщают начальники рай[онных] аппаратов (Каргаполье, Мишкино, Глядянка, Куртамыш²⁵), более кулаков нет. На это Лапшин мне сказал: «Как это нет в районах кулаков, ты не умеешь руководить операциями и не видишь кулаков». По-чистовски и лапшински я и районные работники

должны были заняться перекраской, превращением середняков-бедняков колхозников, служащих в кулаков. Как это Чистов на одном из заседаний тройки членам опер[ативного] штаба и докладчикам предлагал: «Если попадают дела на бедняков-середняков, на служащих в белой армии по мобилизации в банде, или принадлежал ранее к какой-либо религиозной секте, или принадлежит, этих лиц социальное положение указывать не следует, а писать: активный белогвардеец, бандит, сектант и т. д.». Такая перекраска бедняков и середняков, я полагаю, была у других членов опер[ативного] штаба и докладчиков.

По-чистовски оказывалось, что Челябинская область представляла из себя пороховой ящик, который ежеминутно грозил взорваться, но не взорвался, так как на ящике сидели «богатыри» иже руководители из Челябинского управления НКВД, перед которыми взрыв[чатые] материалы трепетали, как осиновый листок, и не взрывались. Но ларчик просто открывался, ибо ящик с[о] дня организации Челябинской области²⁶ на 98 % был пуст, и благодаря преступной бездеятельности руководящих работников УНКВД, занимающихся притуплением классовой бдительности рядовых работников, ящик постепенно стал пополняться новыми более сильными взрыв[чатыми] материалами. Но этого богатырям иже руководителям УНКВД в конце 1937 г. оказалось недостаточно, и они с целью обмана партии и сов[етской] власти искусно изобразили область полностью вооруженной врагами народа, и что ящик грозил стране советам большими бедствиями, и только благодаря якобы им, «богатырям», этот взрыв был предотвращен.

Я считаю и считал, что далеко не так обстояло дело в области, не все участки сельского хозяйства, промышленности, партийно-советские органы были поражены врагами народа и вредительской деятельностью, но их искусственно сделали пораженными сами руководящие работники Челябинского УНКВД. Это они делали, я считаю, с целью скрыть свою преступную в прошлом бездеятельность, и с целью избавиться от лишних глаз и голоса, чтобы не спросили их, а что же вы богатыри иже руководители делали в продолжение четырех лет, почему вы, как наседки, сидели на ящиках и выпаривали контрреволюцию в области, а возможно активно содействовали врагам народа в развертывании их контрреволюционной, повстанческой, вредительской работы, и это, я считаю, будет вполне верно. <...>²⁷

Учета и разработки кулацких элементов в 4[-м] отделе УНКВД совершенно также не было. Если был кой-какой учет в районных аппаратах, но 4[-й] отд[ел] этим вопросом совершенно не занимался, несмотря на то что в г. Челябинске с 1929 г., после первого раскулачивания и выселения, осела масса махрового кулачества на разных новостройках, заводах, но работники 4[-го] отдела, я полагаю, считали по-минаевски²⁸ возможным мирное вращение кулаков в социализм, поэтому и не занимались их учетом и разработкой, а когда в июле 1937 г. поступила директива наркома НКВД о массовом изъятии контрреволюционных кулацких элементов²⁹ по [Челябинской] области, эта директива произвела переполох среди работников 4[-го] отдела и руководства УНКВД, они потребовали от меня самолеты и машины, чтобы перебросить немедленно работников УНКВД в районы, разыскивать кулаков и срочно дать сведения наркомату, какое количество требуется изыскать кулачества и другого контрреволюционного элемента.

Вследствие того, что районы представили на рассмотрение тройки дела на середняков и бедняков, н[ачальник] УНКВД Чистов предложил на одном из заседаний тройки наклеивать таким лицам ярлыки — активный бандит, белогвардеец, сектант. Не считаясь с тем, что у этих бедняков агитации было всего на грош и эту-то агитацию, вернее разговоры, выражающие недовольство на мероприятия, проводимые районными и областными работниками. Кроме того, в выражении этих недовольств вынуждали сами работники УНКВД,

обязывая колхозников, середняков, бедняков сеять невсхожими семенами после всяких сроков, работать на молочно-рогатом скоте, сдавать хлеб за счет других колхозов и т. д., что в данное время признано вредительскими актами, совершенными правыми, что в свое время колхозники, середняки и бедняки считали также несправедливыми действиями; и за то, что они справедливо реагировали ранее, их Чистов решил переделать во врагов.

В 3[-м] отделе под руководством н[ачальни]ка отдела капитана Луговцева, его помощников Чередниченко³⁰ и Братилова аресты корейцев, китайцев, поляков, итальянцев, перебежчиков гос[ударственной] границы и др. проводились без наличия компрометирующих материалов. Все арестованные механически зачислялись в категорию шпионов и с применением зверских методов допроса конвейерной системы все арестованные превращались в шпионов и по альбомному³¹ утверждению расстреливались.

Я лично считал превращение по-чистовски механически всех перебежчиков в шпионов неверно, ибо не все перебежчики, перешедшие с 1922 по 1928 г. границу являлись шпионами, т[ак] к[ак] после окончания Гражданской войны они шли для совместного проживания с родственниками, другие искали убежища в СССР от преследования буржуазных правительств, третьи просто искали приключений, и среди них, безусловно, много было и шпионов, и если мы всех перешедших с 1922 по 1928 г. перебежчиков механически зачислим в шпионы, то, безусловно, часть пострадает невинно, и вместе с ними пострадают их семьи. <...>³²

Прокуроры областной, военный УралВО³³ и войск НКВД давали санкции на арест безоговорочно. Прокуроры просто превратились в то время в факсимиле по штамповке санкций. Не спрашивая с работников УНКВД, есть ли на подлежащих аресту лиц компрометирующие материалы и соответствуют ли они действительности.

Прокурор при УНКВД Корабельников, а позднее Вишняков, работали рука об руку с руководством УНКВД, поэтому на все практикуемые преступные методы работы работникам НКВД смотрели сквозь матовое стекло, они уклонялись от личного допроса арестованных, не проверяли показаний арестованных. У них на глазах шли с опухшими конечностями рук и ног с допросов после конвейера, они ни разу не посетили арестованных, содержащихся во внутренней тюрьме, и не хотели интересоваться, как содержат арестованных и издеваются над ними.

Прокурор Корабельников в конце декабря 1937 г. и в марте 1938 г. дважды предлагал мне арестовать в 187[-м] полку в[ойск] НКВД красноармейца (фамилию забыл, можно установить по отпуску отношения), новобранца, беспартийного, политически недостаточно разбирающегося за одно только слово, которое новобранец произнес случайно, он сказал: «социализм-алкоголизм» и тут же признал, что он сказал не хорошо, просил политрука простить ему этот проступок, что больше этого никогда не повторит. Но прокурор настаивал его арестовать, судить и дать года 3 или 5. Я со своей стороны считал требования прокурора неверными и арест красноармейца не производил. Я вполне считал достаточным ограничиться одним административным взысканием и провести по данному вопросу с новобранцами политбеседу. Если бы кр[асноармей]ца арестовать, мы бы могли из честного защитника советской власти сделать чужого человека, когда он после осуждения попал бы в среду осужденных контрреволюционеров (был ли этот красноармеец после моего ареста арестован, мне неизвестно).

Обыски. Обыски производились с грубым нарушением. Производившие обыск сотрудники иногда присваивали вещи, не заносимые в протоколы обыска и акты, — командиры политического состава РККА³⁴ забирали снаряжение (полевые сумки, поясные ремни), неиспользованное, т. е. не пошитое обмундирование, шинельное сукно, коверкот, заготовки сапожные и т. д.

Допрос арестованных. В 3[-м] отделе перебежчиков человек по 15–17 ставили лицом к стене в одном кабинете, посредине кабинета садился или ходил один-два курсанта 4-й пограничной Саратовской школы, или сотрудник УНКВД. Арестованных держали стоя на конвейере, без дачи еды, отдыха от 3 до 5–7, иногда 9 суток, т. е. до тех пор, пока арестованный не подпишет заявлений, что он враг народа, шпион, вредитель, диверсант и т. д. Арестованные с больным сердцем, через сутки-двое начинали опухать, падали в бесчувственном состоянии на пол и изнемогали от издевательств. Упавших курсанты, так и работник УНКВД 3[-го] отдела, толкали ногами, чтобы упавший встал, хватали за грудь, ставя упавших на ноги. Если арестованный не приходил в сознание, арестованных курсанты обливали из графина холодной водой и после приведения в сознание арестованного вновь ставили на ноги.

В декабре [19]37 г. и январе 1938 г. при 20-градусном морозе, чтоб упавших на пол арестованных и тех, кто еле стоял, привести в бодрственное³⁵ состояние, курсанты и работники 3[-го] отдела открывали окна в кабинет и двери, делали сквозняк, и арестованные, изнемогая от холода, приходили частично в бодрственное состояние, а упавшие поднимались.

Многие из арестованных, над которыми издевались на конвейере, просили оказания медицинской помощи. К ним являлся под видом врача уполномоченный 3[-го] отд[ела] Пикман (представительный человек в роговых очках), который брал просившего оказать помощь за руку, якобы слушает пульс и отвечал: «Ничего, все пройдет», и так от нечеловеческого обращения с арестованными, издеательства над невинно арестованными, под силой физического воздействия и силой оружия, подписывали все, что напишет уполномоченный УНКВД и, таким образом, все превращались в шпионов, диверсантов и т. д.

Допрос арестованного казачества, привлеченного за участие в контрреволюционно-повстанческой организации, производился в городской тюрьме³⁶. Для быстрого оформления дела были привлечены работники из районных аппаратов. По делу казачьей организации было привлечено, кажется, более 300 человек. Организация таковая в действительности существовала, но я полагаю, не в таком большом объеме, как ее изобразили руководящие работники УНКВД, увеличив число участников за счет лиц, не принадлежащих к организации, но с применением зверских методов допроса, все арестованные были превращены в участников организации. Арестованных, отрицающих свою принадлежность к организации и отказывающихся подписать заранее сфабрикованные работниками УНКВД протоколы допроса, садили в одном белье в холодную камеру, где арестованные, изнемогая от холода 20-градусного, поднимали через час-два стук в дверь и подписывали все, что написал в протокол работник УНКВД.

Лепина³⁷ я и пом[ощник] уполномоченного Речкин допрашивали двое или трое суток, но давали Лепину в сутки около полутора часов на обед. Лепин отрицал принадлежность к контрреволюционной шпионско-диверсионной организации. Его Солодилов приказал поставить на ноги. Лепин, просидев и простояв на конвейере с утра 13 декабря до утра 18 декабря 1937 г., и изнемогая от усталости и опухая, написал допрашиваемому его пом[ощнику] уполномоченного Речкину заявление, что его, Лепина, завербовали для шпионской деятельности в 1937 г., когда он был в Москве у писательницы детской литературы, которой он рассказал свою автобиографию, много эпизодов из Гражданской войны, о работе авиации и своем участии на фронтах, на основе этих сведений, полученных от Лепина, писательница якобы хотела написать роман из жизни летчиков и т. д., а Лепин предположил, что эта писательница использовала рассказанное им для целей шпионажа.

После написанного заявления Речкин Лепина отправил во внутреннюю тюрьму. На второй день я доложил о допросе Лепина и написанном им заявлении Солодилову

и дополнил, что все, что Лепин написал в своем заявлении, является только предположением его. Других же показаний он никаких не дает, отрицая принадлежность к шпионажу. Солодилов стал меня обвинять, что я не умею допрашивать, и потащил меня с арестованным Лепиным к зам[естителю] н[ачальни]ка управления Лапшину показать, как якобы я работаю, что у меня арестованные не сознаются. Лапшин мне лично на этот раз ничего не сказал, а Лепину заявил: «К нам ворота открыты широко, а выхода нет, единственное для тебя спасение написать показания о шпионской работе».

После ухода из кабинета Лапшина Солодилов мне вновь предложил Лепина поставить на конвейер. Я тут же предложил Солодилкову сделать Лепину очную ставку с арестованным Рейманом и Туч³⁸, которых он, Лепин, как они показывают, завербовал и дал установки, что они должны были делать. Солодилов мне ответил: «Ты понимаешь, что очной ставки делать Лепину с этими лицами нельзя». И так Солодилов не дал мне произвести очной ставки Лепину с Рейманом и Туч.

Воспрещение Солодиловым производить очную ставку было основано на том, что на обоих лиц были протоколы сфабрикованы, ибо арестованные о шпионской деятельности ничего не показывали, а только подписали фабрикации под силой физического воздействия после применения к ним конвейерного метода допроса.

После вторичного применения конвейерного метода допроса к Лепину, он написал на себя, я считаю, клевету, что его завербовал в 1928 г. в гор[оде] Витебске летчик Гинц. Во время писания Лепин неоднократно мне и Речкину заявлял: «Я пишу на себя клевету, т[ак] к[ак] вы требуете этого, больше же я писать ничего не могу, т[ак] к[ак] шпионом никогда не был». Получив от Лепина заявление — показания, я отнес их Солодилкову, который на основе заявления сфабриковал протокол на Лепина, а концовку протокола приказал закончить мне, т. е. внести в протокол то, что написано в показаниях арестованных Реймана и Туч, которых он, Лепин, якобы завербовал при первой с ними встрече, а также красноармейца из авиашколы Гартман.

По окончании фабрикации протокола его дали подписать Лепину, последний от подписи отказался, заявляя: «Я написал на себя клевету, а вы ее в три-четыре раза увеличили». Солодилов Лепина вновь приказал поставить на конвейер, пока не подпишет протокол, одновременно с этим Солодилов стал меня обвинять, что я не умею работать, допрашивать арестованных и составлять протоколы допроса. Лепин подписал протокол после третьего примененного к нему конвейера.

Допрос жен перебежчиков, жен врагов народа и лиц невинно арестованных производился с декабря [19]37 г. или января 1938 г. под непосредственным руководством зам[естителя] н[ачальни]ка управления по хозяйству Толстова.

Допрос производил уполномоченный Семенов и другие работники УНКВД. К женщинам применялся тот же конвейерный метод допроса — стоя, многие женщины во время допросов падали в обморок, в истерику, и доведенные до изнеможения, они подписывали все, что написал допрашивающий их работник, как Семенов и другие, что они жены шпионов, правых и других, хорошо знали о преступной деятельности своих мужей и т. д.

Кроме применяемого конвейера на допросах существовал дополнительный второй конвейер во внутренней тюрьме НКВД. На этот дополнительный конвейер спускали арестованных, тех, кто не хотел подписывать на себя клевету и возводить ее на других, и тех, кто не сознавались в преступной деятельности. Эти лица после 5–7-суточного конвейера опросов у следователя спускались во внутреннюю тюрьму на дополнительный конвейер, являющийся по своему содержанию не легче первого, с той лишь разницей, что здесь давали есть, пить и прогулку.

Дополнительный конвейер выражался в том, что надзирательский состав, работающий под руководством начальника тюрьмы Бессмертных и его помощника Рябова, не давали арестованным, нуждающимся во сне и отдыхе после 5–7-суточного конвейера, спать, дремать сидя днем на табуретке, всячески издевались. Кроме того, для второго конвейера по установке н[ачальни]ка управления Чистова, Лапшина и других руководящих н[ачальни]ков отделов были привлечены враги народа для обработки невинно арестованных и возведения на них клеветы, для этих лиц, занимающихся провоцированием, были созданы особые условия в тюрьме, им выдавали дополнительное мясное блюдо и хлеб, дополнительную прогулку, не ограничивали пользование книгами, свидание с женами, право передач, письма и т. д.

Эти враги народа поступившего в их камеру арестованного старались склонить, чтобы он подписал все, что напишет следователь, т. е. принять на себя клевету, что суд сознавших будет легче судить, как раскаявшихся.

Мат и рукоприкладство, т. е. физическое воздействие к арестованным, применялись многими, как при допросе перебежчиков работниками 3[-го] отдела и курсантами, допрос уполном[оченным] 11[-го] отдел[а] Дубининым [проходил] с применением табуретки. Во время допроса мной арестованного за шпионаж Нигая Фомы Ивановича³⁹ его н[ачальни]к 5[-го] отд[ела] капитан Дорожко ругал похабными словами, и когда я Нигаю разрешил прислониться и опереться на стол рукой, увидав это, Дорожко с силой толкнул Нигая от стола и на меня посмотрел с возмущением.

Фабрикация протоколов допроса. Перед конвейером работники УНКВД каждого арестованного предварительно спрашивали, устанавливая все личные, служебные, родственные связи арестованного, кого в прошлом и настоящем знал из троцкистов, правых и др[угих] категорий врагов народа. Если перебежчик, кого знал за границей из жандармерии, полиции, помещиков и т. д. Эти сведения следователем-работником УНКВД ложились в основу составления фабрикаций заявлений, как бы исходящего от имени самого арестованного. В заявлении сотрудник по своему усмотрению возводил из числа связей арестованного людей во врагов народа, приводил целый ряд фактов вредительства и других, якобы совершенных арестованными. Для приведения актов вредительства использовались разные служебные недочеты по работе или просто фабриковались. После конвейера, когда арестованный соглашался подписать на себя клевету, ему диктовали заявление с ранее составленного черновика сотрудников или просто заставляли подписывать заявление готовое.

После того, как арестованные подписали заявления, сотрудник, производивший допрос арестованного, приступал к фабрикации протокола, писал в проколе вопросы, якобы задаваемые арестованному, и сам же на эти вопросы отвечал. Каждый работник старался как можно обширнее сфабриковать протокол, как можно больше внести в него фигурирующих лиц, возводимых во врагов народа, и как можно больше указать вредительских актов. Если протокол фабриковался на работника районного масштаба, этому арестованному приписывалось все, что только можно было приписать и ввести в акт вредительства, как-то: использование молочно-рогатого скота на полевых работах, не обеспечение скота кормами, поздний сев, сдача семян в счет хлебозакупки, засорение колхозов классово-чуждым элементом и т. д.

Н[ачальни]к отделения 4[-го] отдела Сайфутдинов (кабинет последнего находился рядом с моим) постоянно во время допросов ругал арестованных матом. Допрашивая секретаря Кунашакского райкома ВКП(б) Нугаева⁴⁰, он ругал его матом в моем присутствии и говорил ему: «Ты у меня подпишешь все, что я напишу». Нугаев говорил: «Вы и так переписываете третий раз протокол, первый раз написали, что меня завербовал Рындин,

затем зав[едующий] областной нацменовской газеты Габ[б]асов⁴¹, и вновь переделываете эти показания».

По делу арестованного Нигая Фомы Ивановича н[ачальни]к 5[-го] отдела. Дорожки лично написанные показания Нигая расширил на 50 %, с расчетом показать в протоколе, что все проживающие в Челябинске корейцы являются японскими шпионами, а также и знакомые Нигая, проживающие в других городах. Кроме того, Нигаю было включено в протокол получение 2000 руб. денег для развертывания шпионской работы от Ким Вангир, которого Нигай совершенно не знал.

По вопросу фабрикации протоколов допросов следует отметить следующее. После того, как работник, допрашивающий арестованного, сфабриковал прокол допроса, он нес его на отшлифовку н[ачальни]ку отделения, последний по своему усмотрению там, где он считал недостаточно, сгущал краски, он их сгущал и увеличивал факты вредительства и т. д. Затем протокол несли на полировку н[ачальни]ку отдела, он в свою очередь проделывал то же самое, что и н[ачальни]к отделения. Если протокол по своему объему и содержанию являлся всеобъемлющим, его несли для покрытия белым лаком к н[ачальни]ку управления, который вносил в него свои коррективы, так было с протоколом на японского шпиона Нигая Фому Ивановича и Кан Василия. Из протокола Кан н[ачальни]к УНКВД Соколинский⁴² предложил выбросить слова, где говорится, что Кана вынудили заняться шпионством под силой оружия. После исключения этих слов получилось, что Кан добровольно вступил на путь шпионажа.

После того, как прокол пройдет все инстанции, его давали подписать арестованному, и, если арестованный отказывался подписывать, его ставили вновь на конвейер и держали до тех пор, пока не подпишет протокола, так было с полковником Лепиным.

Арестованные инженеры ЧТЗ Малышкин и Соловьев⁴³, оклеветав друг друга, как они говорят, и подписав после конвейера протоколы, Малышкин решил от клеветы принятой отказаться, написал заявление, его вызвали и пригрозили поставить на конвейер, чем кончилось дело, мне неизвестно.

В августе 1937 г. мной Курганскому рай[онному] отделу НКВД была дана санкция на арест до 10 человек кулаков, проживающих в г. Кургане, Михайлова и других. Эти кулаки в 1930 году являлись участникам заговоров по подготовке к восстанию, но после ареста некоторых участников заговора, остальные участники в связи с раскулачиванием и из-за опасения быть арестованными и выселенными бежали из своих деревень Куртамышского района в г. Курган, Челябинск, Златоуст, Сибирь, а примыкающие к заговору середняки, бедняки остались на месте, прекратив всякую антисоветскую работу. В 1933 г. я с целью проверки разбежавшихся кулаков использовал бедняка Максимова Давыда, который рассказал о своей прошлой деятельности и участниках заговора, указал, кто куда бежал и чем занимается. Но организационной повстанческой деятельности разбежавшихся установлено не было, кроме выражения отдельных антисоветских настроений.

После дачи мной санкции на бывших участников заговора это дело забрал себе З[-й] отдел и по установке Луговцева и Чередниченко уполномоченный Соболев, как он мне лично говорил в сентябре 1937 г., превратил всех участников прошлого заговора в участников существующей в 1937 г. контрреволюционной повстанческой организации, и по делу был привлечен Максимов Давыд, и его, вероятно, изобразили крупным заговорщиком. Дело на данную кулацкую группу было рассмотрено тройкой, какая мера применена к Максиму, мне неизвестно, и, если Максимов действительно привлечен и осужден, это лишний раз будет подтверждать тот факт, что З[-й] отдел активно выполняет указания Чистова о превращении бедняков, середняков в кулаков и т. д., о чем указано выше.

В августе 1937 г. н[ачальни]к отделения Кадкин⁴⁴ командировал в Камышловский район уполномоченного Лифатова⁴⁵ для ликвидации одного дела и лиц, проходящих по делу, именовал участниками организации. В процессе следствия Лифатов организацию повстанческой деятельности арестованных им лиц не установил и, возвратившись в управление, об этом доложил Кадкину, который обвинял его, что он не умеет работать, фабриковать дела. Лифатов отказался от фабрикации несуществующей организации. Кадкин доложил Чистову, а Чистов на заседании тройки б[ывшему] секретарю обкома Рындику говорил: «Не знаю, что делать с такими работниками, которые не умеют работать и т. д.». По данному делу может показать сам Лифатов, который, кажется, за отказ от фабрикации был осужден. <...>⁴⁶

Для невинно арестованных не представлялось никакой возможности к оправданию, никакие аргументы, ни заявления не принимались работниками УНКВД, а для врагов народа представлялось широкое поле для возведения клеветы на невинных людей и сведения личных счетов. Враги народа с применением преступных методов работы работниками УНКВД легко могли отвести удар от себя в сторону, и их показания, клевета самими работниками УНКВД, расширялись и изображались как стопроцентная действительность. Руководство УНКВД и рядовые работники не хотели считаться с тем, что преступные методы работы всегда были чреватые последствиями и враги народа всегда старались обмануть советскую разведку, чтобы спасти свои силы.

Для арестованных невинно, принявших на себя клевету и оклеветавших других невинных людей, по установке начальника управления, начальников отделов создавались также особые условия во внутренней тюрьме, им выдавали дополнительно мясное блюдо, хлеб, разрешали свидание с родственниками, принимали передачи-письма и т. д. Все это проделывалось с той целью, чтобы невинно оклеветавшие себя и других не отказались от своих показаний и могли бы принять очные ставки, и эти арестованные под страхом физического воздействия конвейерной системы допросов и применяемых к ним других издевательств выполняли, т[ак] к[ак] не видели другого исхода.

Все законченные дела представлялись на рассмотрение тройки по альбому в УНКВД и на В[оенную] к[оллегию]. Арестованные по делам изображались как 100 % враги.

Перед судом В[оенной] к[оллегии] арестованных работники УНКВД вызывали к себе в кабинет и выезжали в городскую тюрьму с целью уговора арестованных, чтобы они на суде не отказывались от принятой на себя клеветы и возведенной на других, и если они откажутся от своих показаний, их будут строже судить и т. д.

Содержание арестованных в тюрьмах. Во внутренней тюрьме при УНКВД надзирательский состав под руководством н[ачальни]ка тюрьмы Бессмертных и его помощника Рябова по установке н[ачальни]ка управления, его заместителя и н[ачальни]ка отдела издевались над арестованными, как только могли: ругали матом, не давали арестованным после 5–7-суточного конвейера спать, дремать, а кто в силу обессиления больше не мог удержаться от сна, невольно засыпали, у них отбирали койки, и арестованные были вынуждены спать на голом полу. Вместо подъема в 6 часов поднимали в 4 часа утра, а затем заставляли вновь ложиться до шести утра.

До сентября 1938 г. арестованных поднимали в 4 часа и сразу же выдавали чай, но хлеб выдавали с 9 до 11 часов утра. В силу этого арестованные вынуждены были пить чай без хлеба. Арестованным, нуждающимся в мед[ицинской] помощи, особенно спущенным с конвейера, не оказывали мед[ицинской] помощи и не допускали фельдшера для осмотра больного.

Городская тюрьма с августа 1937 г. до мая 1938 г. была всегда переполнена, в ней содержалось временами до 8000 чел[овек], в камеру на 13 человек садили по 150–160 чел[овек]. В общей камере в 30 человек сидело 380 чел[овек]. В камерах не доставало воздуха,

арестованные задыхались от недостатка воздуха и изнемогали, обливались потом, не имели возможности не только сесть, но и лечь, приходилось стоять, больные сердцем быстро опухали, им не оказывали никакой помощи. Пайка, полученная утром, хлеба к вечеру покрывалась плесенью. Надзирательский состав издевался над арестованными, садили в холодную уборную. Арестованного Кафтуненко, выведенного из камеры, когда он выжал из шапки воду, получившуюся от пота Кафтуненко, надзиратели заставили шапкой затереть воду.

Благодаря перегруженности тюрьмы и неоказанию мед[ицинской] помощи арестованным только вследствие какой-то случайности не возникла эпидемия, которую никакие медицинские работники Челябинска не смогли бы приостановить быстро. Преступные методы работы, проводимые с августа 1937 г. под руководством н[ачальни]ка НКВД майора Чистова, [а] с января 1938 г. под руководством вновь назначенного н[ачальни]ком УНКВД капитана Лапшина, еще больше усилились, зверскому нечеловеческому обращению с арестованными не было предела. Зам[еститель] н[ачальни]ка УНКВД капитан Луговцев, когда он меня допрашивал, пом[ощник] н[ачальни]ка 4[-го] отдела ст[арший] лейтенант Сенько приказывал поставить меня на голову и так допрашивать.

В связи с усилившимся преступным методом работы увеличилось число самоубийств и покушений на самоубийство арестованных, которые вследствие зверского обращения с ними следователей во время допросов, выпрыгивали в окна 4-го и 3-го этажей лестниц и разбивались насмерть, а во внутренней тюрьме вешались, вскрывали вены и т. д.

Вследствие увеличившихся случаев самоубийств и покушений арестованных, заместители н[ачальни]ков отделов, их помощники, н[ачальни]ки отделений и некоторые уполномоченные решили баррикадироваться, устраивать в окнах своих кабинетов решетки, это уже говорило и говорит за бессилие этих работников УНКВД и неспособность их вести борьбу с действительными врагами народа, такие работники способны были только на фабрикацию дел и протоколов допросов, они потеряли всякое классовое чутье и учили преступным методам работы молодых, малоопытных работников УНКВД.

В целях поощрения преступных методов работы и стимулирования их, н[ачальни]к управления Чистов, а затем Лапшин, выдавали руководящим работникам: н[ачальни]кам отделов, их заместителям и помощникам и отдельным выдающимся н[ачальни]кам отделений вознаграждение от 200 до 500 рублей. Из каких источников черпались средства, мне неизвестно. В получении средств выдавались краткие расписки, примерно: «Получил пятьсот рублей. Ворончихин». Выдачу вознаграждения производил кассир и зам[еститель] н[ачальни]ка административно-хозяйственного отдела Ермаков.

Практикуемые преступные методы работы проходили не только на глазах военного прокурора войск НКВД, занимающегося в одном здании со всеми отделами УНКВД, эти преступные методы совершались работниками УНКВД на глазах особо уполномоченного при УНКВД — ст[аршего] лейтенанта Романова (ныне занимающего должность секретаря Кировского р[ай]к[ома] ВКП(б)). Но Романов вместо предотвращения преступных методов работы, привлечения виновников к ответственности и сигнализации об этих методах наркомун или ЦК ВКП(б), он нога в ногу шел с руководством УНКВД и на все смотрел, как незаконно применяемое работниками УНКВД. Если бы Романов повел борьбу с применяемыми преступными методами работы, то, безусловно, они были бы прекращены в начале 1938 г., и фабриканты протоколов и дел привлечены. <...>⁴⁷

Обращаюсь к Вам, дорогой тов[арищ] Сталин, с просьбой о восстановлении меня в партии, в которой я состою с 1918 г., я буду бороться так же активно за генеральную линию партии.

Аналогичное заявление я пишу наркому НКВД о восстановлении меня на работе в органах НКВД, где я проработал 17 лет и 1,5 года в ревтрибунале и суде. Я никогда не изменял делу рабочего класса, вся жизнь моя с малолетства была борьбой с кулаками, буржуями (смотрите мою автобиографию, направленную Вам от 8 февраля 1936 г.) и приложу остальные свои силы в деле борьбы с к[онтр]р[еволюцией], врагами народа.

28 сентября 1939 г., Куликов Павел Исаевич

¹ См. подробные историографические обзоры: *Милицы М. М.* Новая отечественная литература по истории сталинских репрессий (реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 5. История. 2011. № 4. С. 114–130; *Милицы М. М.* Новая зарубежная литература по истории сталинских репрессий (реферативный обзор) // История России в современной зарубежной науке: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. О. В. Большакова. М., 2011. Ч. 3. С. 65–88; *Степанов М. Г.* Российская историография «большого террора» в СССР (1937–1938 гг.). Абакан, 2008.

² *Хлевнюк О. В.* 1937: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; *Ватлин А. Ю.* Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области. 1937–1938. М., 2004; *Баберовски Й.* Красный террор. М., 2007; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009; Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004.

³ *Шрейдер М. П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. М., 1995; *Тепляков А. Г.* «Воспоминания чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера — неизвестные страницы истории ВЧК — ОГПУ — НКВД // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 925–936.

⁴ *Мозохин О. Б.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. 1918–1953. М., 2006; *Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ — НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М., 2008; Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М., 2009; *Тепляков А. Г.* Опричники Сталина. М., 2009.

⁵ Эхо Большого террора: сб. документов: в 3 т. М., 2017–2018.

⁶ Чекисты на скамье подсудимых: сб. статей / сост. М. Юнге, Л. Виола, Д. Россман. М., 2017.

⁷ *Боже В. С., Миронова С. И., Черных В. А.* Репрессии // Челябинская область: энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 566–569; *Кобзов В. С.* Шпионили в пользу... японского Микадо // Архив в социуме — социум в архиве: материалы второй региональной науч.-практ. конференции, Челябинск, 31 мая 2019 г. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2019. С. 185–194; *Печерин А. В.* Репрессии против православного духовенства на территории Челябинской области (1918–1939 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18, № 2. С. 100–105; *Хакимов Р. Ш.* Кунашакское дело, или Дело № 5439. Челябинск, 2018.

⁸ *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М., 1999. С. 110–111, 264, 385, 436–437.

⁹ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее — ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 42. Д. 4. Л. 2.

¹⁰ Копии документов: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 4.

¹¹ Подлинники документов: ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 165.

¹² *Антипин Н. А.* Куликов Павел Исаевич // Челябинская область: энциклопедия. Челябинск, 2008. Т. 3. С. 570.

¹³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 3428. Л. 13, 201, 229.

¹⁴ Там же. Л. 250–252.

¹⁵ Там же. Ф. П-288. Оп. 3. Д. 165. Л. 53–131.

¹⁶ В 1972 г. в Государственном архиве Челябинской области сформирован личный фонд «краеведа П. И. Куликова» (ОГАЧО. Ф. Р-1732).

¹⁷ Луговцев Ф. К. — капитан, начальник 3-го отдела управления НКВД Челябинской области, награжден орденом Красной Звезды, арестован в 1939 г., расстрелян в 1940 г.

¹⁸ Лапшин Федор Георгиевич (1902–1940) в 1927–1936 гг. служил уполномоченным, начальником районных отделений в органах ОГПУ — НКВД в Звенигородском, Орехово-Зуевском уездах, Москве и Московской области. С 1936 г. начальник отделов, помощник заместителя начальника, с апреля 1938 г. начальник управления НКВД Челябинской области. Арестован в 1939 г., осужден по обвинению в «грубом искажении социалистической законности», расстрелян 25 сентября 1940 г. Награжден орденом Красной Звезды (1937).

¹⁹ Ворончихин И. Г. — старший лейтенант, начальник следственной части, управления НКВД Челябинской области, награжден орденом Красной Звезды, арестован в 1939 г., в 1940 г. приговорен к 10 годам лишения свободы, затем приговор заменен на расстрел.

²⁰ В 1967 г. П. И. Куликов по просьбе руководства Партийного архива Челябинской области составил записку с дополнением своего заявления 1939 г. В ней он отметил: «...начальник управления хорошо знал, что на 95–98% арестованы невинные лица» (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 4. Л. 116–121).

²¹ Подобедов В. Н. — старший лейтенант, начальник 8-го отдела (приведение приговоров в исполнение) управления НКВД Челябинской области, награжден орденом «Знак Почета».

²² Высшая мера наказания — расстрел.

²³ Заключение в лагере.

²⁴ В опущенном фрагменте речь идет о нехватке кадров для проведения операции и оформления следственных дел, о неприязненном отношении к П. И. Куликову Солодилова, об аресте последнего и усилении «травли» новым начальником капитаном Дорожко.

²⁵ Районные центры Челябинской области (ныне в составе Курганской области).

²⁶ Челябинская область создана по постановлению ВЦИК 17 января 1934 г.

²⁷ Опущено описание событий до 1937 г.: о фактах «вредительства» в сельском хозяйстве, «перебежчиках» и «японских шпионах», «вредительстве» и растратах.

²⁸ Александр Матвеевич Минаев-Цикановский (1888–1939) работал чернорабочим на мыловаренном заводе Меджибовского в Одессе (1902–1907), в 1908 г. за принадлежность к боевой организации ПСР осужден военным судом на 10 лет каторги, с 1916 г. в ссылке. С 1919 г. служил в органах государственной безопасности. В июле 1934 — июле 1936 г. начальник управления НКВД Челябинской области, затем начальник управления НКВД Сталинградской области, с 1937 г. в центральном аппарате НКВД, в 1938 г. — заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. Арестован 6 ноября 1938 г., расстрелян 25 февраля 1939 г.

²⁹ Имеется в виду приказ НКВД № 00447 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

³⁰ Чередниченко М. М. — старший лейтенант, заместитель начальника 3-го отдела управления НКВД Челябинской области, награжден орденом Красной Звезды.

³¹ Из записки П. И. Куликова 1965 г.: «На основании надуманных фактов шпионажа, вредительства составлялись такие же ведомости, какие представлялись на тройку с той только разницей, что на эту ведомость наклеивалась фотокарточка арестованного, и эта ведомость именовалась “Альбом”. Этот альбом направлялся на рассмотрение в Москву, в комитет госбезопасности, откуда поступала санкция, кого расстрелять, а кого заключить в концлагерь» (ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 42. Д. 4. Л. 118).

³² Опущены упоминания конкретных случаев арестов жен арестованных, членов политических партий и оппозиции, представителей командно-политического состава и красноармейцев, рабочих, ветеранов Русско-японской войны 1904–1905 гг.

³³ УралВО — Уральский военный округ.

³⁴ РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия.

³⁵ Так в документе.

³⁶ Городская тюрьма в Челябинске.

³⁷ Лепин Эдуард Юрьевич (1897–1938) — начальник авиационной школы № 12. Арестован 11 декабря 1937 г., расстрелян 18 февраля 1938 г., реабилитирован в 1957 г. (следственное дело: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 4115).

³⁸ Туч Валериан Адамович (1901–1938) — председатель Челябинского городского совета Осоавиахима. Арестован 16 ноября 1937 г., расстрелян 4 января 1938 г., реабилитирован в 1957 г.

³⁹ Нигаи Фома Иванович (1901–1938) — торговый инспектор универмага. Арестован 16 марта 1938 г., расстрелян 24 ноября 1938 г., реабилитирован в 1957 г. (следственное дело: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 4268).

⁴⁰ Нугаев Азамат Кутлиахметович (1898–?) — работал в комсомольских организациях Ферганской области, затем на партийных должностях в Свердловске, Челябинске, Магнитогорске. В 1933 г. — заместитель директора зерносовхоза в Уральской области, в 1934 г. — председатель Сафакулевского райисполкома, в 1934–1935 гг. — секретарь Кизило-Троицкого, в 1935–1937 гг. — секретарь Кунашакского райкомов ВКП(б) Челябинской области.

⁴¹ Габбасов Гайса Хабибович (1892–1938) — редактор областной татарской газеты «Коммунист». Арестован 12 декабря 1937 г., расстрелян 22 июля 1938 г., реабилитирован в 1959 г. (следственное дело: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5605).

⁴² Давид Моисеевич Соколинский (1902–1940) с 1919 г. служил в органах госбезопасности. В марте — апреле 1938 г. начальник управления НКВД Челябинской области, затем работал в наркомате водного транспорта. Арестован в 1939 г., расстрелян в 1940 г.

⁴³ Соловьев Сергей Иванович (1899–1938) — начальник технического отдела Челябинского тракторного завода. Арестован 13 октября 1937 г., расстрелян 7 января 1938 г., реабилитирован в 1957 г.

⁴⁴ Кадкин арестован в 1941 г. и расстрелян.

⁴⁵ Лифатов Алексей Прокофьевич (1905–?) — помощник оперуполномоченного 4-го отдела управления НКВД Челябинской области. Арестован 17 сентября 1937 г., дело прекращено в 1939 г. (следственное дело: ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 4271).

⁴⁶ Опущена информация о событиях до 1937 г.: о случаях фабрикации дел Кадкиным.

⁴⁷ Опущена вторая часть заявления об аресте и следствии по делу П. И. Куликова.

Статья поступила в редакцию 27 сентября 2019 г.

Рекомендована к печати 20 ноября 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антипин Н. А. Массовые политические репрессии в Челябинской области, 1937–1938 гг.: свидетельство чекиста // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 1. С. 251–267.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.115>

Ключевые слова: Большой террор, политические репрессии, Сталин, СССР, Челябинская область, НКВД.

Сведения об авторе: Антипин Н. А. — канд. ист. наук, доц., Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия); antipin87@mail.ru

Южно-Уральский государственный университет, Россия, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76

FOR CITATION

Antipin N. A. 'Mass Political Repressions in Chelyabinsk Region, 1937–1938: Testimony of the Security Officer', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 1, 2022, pp. 251–267.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2022.115>

Keywords: Great Terror, political repression, Stalin, USSR, Chelyabinsk region, NKVD.

The research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project no. FENU-2020-0021).

Author: **Antipin N. A.** — PhD in History, Associate Professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia); antipin87@mail.ru

South Ural State University, 76, pr. Lenina, Chelyabinsk, 454080, Russia

References:

- Antipin N. A. 'Kulikov Pavel Isaevich' in Cheliabinskaia oblast': entsiklopediia, ed. by K. N. Baberowski J. *The Red Terror* (Moscow, 2007). (In Russian)
- Bordyugov G., Binner R. *The vertical of great terror. The history of the operation by order of the NKVD No. 00447* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Bozhe V. S., Mironov S. I., Chernykh V. A. 'Repressions' in *Cheliabinskaia oblast': entsiklopediia*, ed. by K. N. Bochkarev (Chelyabinsk, 2008). (In Russian)
- Echo of the Great Terror: a collection of documents*, in 3 vols, ed. by V. Vasil'ev et al. (Moscow, 2017–2018). (In Russian)
- Khakimov R. Sh. *Kunashak case or case no. 5439* (Chelyabinsk, 2018). (In Russian)
- Khaustov V., Samuelson L. *Stalin, NKVD and repression 1936–1938* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Khlevnyuk O. V. *1937: Stalin, the NKVD and Soviet society* (Moscow, 1992). (In Russian)
- Kobzov V. S. 'Spied in favor of... Japanese Mikado' in *Arkhiv v sotsiume — sotsium v arhive: materialy vtoroi regional'noi nauch.-prakt. konferentsii* (Chelyabinsk, 2019). (In Russian)
- Lubyanka. *Stalin and the main department of state security of the NKVD. Archive of Stalin. Documents of the highest bodies of party and state power. 1937–1938*, comp. by V. N. Khaustov (Moscow, 2004). (In Russian)
- Mints M. M. 'New domestic literature on the history of the Stalinist repressions (abstract review)', *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura*, ser. 5, no. 4, 2011. (In Russian)
- Mints M. M. 'New foreign literature on the history of Stalinist repressions (abstract review)' in *Istoriia Rossii v sovremennoi zarubezhnoi nauke: Sbornik obzorov i referatov* (Moscow, 2011). (In Russian)
- Mozokhin O. B. *Right to Repression. Extrajudicial powers of state security bodies. 1918–1953* (Moscow, 2006). (In Russian)
- Pecherin A. V. 'Repressions against the Orthodox clergy in the Chelyabinsk region (1918–1939)', *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser. *Sotsial'no-gumanitarnye nauki*, vol. 18, no. 2, 2018. <https://doi.org/10.14529/ssh180216> (In Russian)
- Petrov N. V., Skorkin K. V. *Who led the NKVD, 1934–1941: a guide* (Moscow, 1999). (In Russian)
- Security officers in the dock: a collection of articles*, comp. by Mark Junge, Lynne Viola, Jeffrey Rossman (Moscow, 2017). (In Russian)
- Stalinism in the Soviet province: 1937–1938 Mass operation based on order no. 00447*, comp. by Mark Junge, Bernd Bonvech, Rolf Binner (Moscow, 2009). (In Russian)
- Stepanov M. G. *Russian historiography of the "Great Terror" in the USSR (1937–1938)* (Abakan, 2009). (In Russian)
- Teplyakov A. G. "'Memoirs of the Security Service Officer" M. P. Shreyder — Unknown Pages of the History of Cheka — OGPU — NKVD', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 4, 2018. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.409> (In Russian)
- Teplyakov A. G. *Stalin's oprichniki* (Moscow, 2009). (In Russian)
- Teplyakov A. G. *The Machine of Terror: OGPU — NKVD of Siberia in 1929–1941* (Moscow, 2008). (In Russian)
- Vatlin A. Yu. *Terror of a regional scale. "Mass operations" of the NKVD in the Kuntsevo district of the Moscow region. 1937–1938* (Moscow, 2004). (In Russian)

Received: September 27, 2019

Accepted: November 20, 2021